

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ XIV–XVII ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются исследования российских и зарубежных историков, затрагивавших в своих работах проблему происхождения дьяков и подьячих XIV–XVII столетий. Выделены два направления в историографии проблемы. Представители одного приходят к выводу о том, что дьяки происходили в основной массе из дворянской среды. Другие авторы констатируют происхождение дьяков из непривилегированных сословий. Автор статьи определил причину этих концептуальных разногласий и наметил пути дальнейшей работы над разрешением проблемы происхождения дьяков и подьячих XIV–XVII вв.

Ключевые слова: социальное происхождение; дьяки и подьячие; историография; источники; методология.

В российской историографии достаточно работ, посвященных дьякам и подьячим. В то же время можно найти сравнительно немного трудов, где одной из отдельных задач исследования было бы определение социального происхождения и статуса служилой бюрократии. Концептуально интересующие нас исследования распадаются на две основные группы. Представители первой придерживаются точки зрения о том, что дьяки в большинстве своём были выходцами из рядов дворянства (точка зрения Н.П. Лихачева). Другие, напротив, утверждают, что основная масса дьяков происходила из сословных групп, не связанных с дворянством (мнение Н.Н. Оглоблина и С.Б. Веселовского). При этом и те и другие признают факт неоднородности состава дьяков и подьячих и при этом почти не polemизируют друг с другом. В современной исторической науке в целом сохраняются традиционные подходы к проблеме социального происхождения дьяков и подьячих, выработанные ещё до 1917 г. и развитые в трудах исследователей советского периода.

И. Граля посвятил свою монографию деятельности дьяка Ивана Михайловича Висковатого, рассмотрев, наряду с другими проблемами, и вопросы социального происхождения и имущественного положения известного дипломата. Автор тщательно разобрал и отверг гипотезу о происхождении дьяка из рода князей Мещерских [1. С. 12–16]. Переходя от частной проблемы к общей, И. Граля сделал краткий обзор историографии социального происхождения дьяков XVI в. и присоединился в итоге к точке зрения Н.П. Лихачёва. Аргументация А.К. Леонтьева и С.О. Шмидта была подвергнута им критическому разбору [Там же. С. 22–26]. Развивая доводы своих предшественников, И. Граля привлек данные о родственных связях дьяков (правда, уже давно известные, выявленные ещё Н.П. Лихачёвым и А.Ф. Кобеко). Впрочем, вывод исследователя об «обилии брачных связей между представителями слоя дьяков и московский аристократии» представляется нам слишком сильным. Шесть дьяков (И.Е. Циплятев, В. Долматов, Меньшик Путятин, Б.И. Сукин, А.Я. и В.Я. Щелкаловы) ещё не обилие, и не все их родственники аристократы (например, Чепчуговы). Хотя в целом данный методологический подход, безусловно, весьма плодотворен. Брачно-семейные связи – один из индикаторов социального статуса человека.

И. Граля проанализировал список лиц, одаренных на Пасху в марте 1548 г. новгородским архиепископом Феодосием, и список участников земского собора

1566 г. В результате автор пришёл к выводу, что большая часть дьяков, перечисленных в этих источниках, выходцы из дворянства [1. С. 27–29, 47–50]. Из рядов мелкого и среднего дворянства рекрутировались и подьячие, чему И. Граля привел ряд примеров [Там же. С. 30, 51–52]. В конечном итоге исследователь заключает, что Иван Михайлович Висковатый и его брат Третьяк были выходцами из среды детей боярских [Там же. С. 31–32].

Анализ сословного происхождения польский учёный соединил с определением имущественного положения дьяка. И. Гралея на основании актов и писцовых книг были выявлены земельные владения Висковатого, выяснена их география, происхождение, величина [Там же. С. 400–406]. Поставив проблему шире, автор попытался дать ответ на вопрос об имущественном статусе дьяков как чиновной группы. Исследователь дал общую меткую оценку состояния историографии данной проблемы: «Историографические сведения в области экономической активности представителей московской бюрократии XV–XVII вв. ограничиваются маргинальными замечаниями, сделанными попутно с исследованиями по совершенно иной проблематике». По собственным наблюдениям И. Гралея, «многие представители чиновничьей элиты в эпоху царствования Ивана IV имели значительные состояния как в виде земельных владений, так и денежных капиталов» [1. С. 396]. Рассуждая о географическом расположении имений Висковатого, И. Граля поставил интересный вопрос о тех уездных группах детей боярских, которые в исследуемый период были основным кадровым резервом дьячества. Исследователь пришел к выводу, что это, прежде всего, дети боярские Московского и Переславского уездов [Там же. С. 32–34].

В 1998 г. вышла книга Ю.Г. Алексева «У кормила Российского государства». Предметом исследования явились основные звенья формирующегося государственного аппарата великого княжения Московского XIV–XV вв. В том числе автор уделил большое внимание деятельности дьяков и подьячих, рассмотрев наряду с другими проблемами и вопрос об их социальном происхождении. В процессе решения этой задачи Ю.Г. Алексеев проанализировал большой объём самых разнообразных источников (вплоть до эпиграфических). В одном из приложений исследователь разместил составленный им наиболее полный на сегодняшний день список дьяков и подьячих Ивана III, дополняющий данные справочников С.Б. Веселовского и

А.А. Зимина. Впрочем, и список Ю.Г. Алексеева нуждается в уточнении и дополнении. С одной стороны, в перечень вошли лица, чья принадлежность к дьячеству откровенно сомнительна (Семенча Аргунов [2. С. 289], Галка [Там же. С. 296] и др.). С другой стороны, вне списка остался целый ряд несомненных дьяков и подьячих. Например, автор по какой-то причине совершенно не учел информацию о дьяках и подьячих, содержащуюся в новгородских писцовых книгах, источнике, давно введенном в научный оборот.

Опираясь на данные духовных грамот вел. кн. Ивана Ивановича и Дмитрия Ивановича, Ю.Г. Алексеев проследил начальные этапы эволюции социального происхождения великокняжеских дьяков во второй половине XIV в.: от несвободных слуг-министериалов к канцелярским деятелям, уже обретшим свободу, но ещё не вошедшим в состав служилых землевладельцев [Там же. С. 14, 15, 22]. Автор собрал и обобщил максимально возможный объём просопографических сведений о дьяках XIV–XV вв. Отметив случаи наследования дьяческого статуса внутри отдельных семей, проанализировав имеющиеся данные о родственных связях дьяков, Ю.Г. Алексеев констатировал, что «уже в середине XV в. дьячество составляет определённый социальный слой, связанный родством, свойством и знакомствами» [2. С. 160–161]. Примерно с первой половины XV столетия исследователь прослеживает начало процесса постепенного превращения дьячества из слуг в феодалов. «Дьяк этого времени – землевладелец средней руки, либо выходец из среды вотчинников, либо феодал в первом поколении, сколачивающий свою вотчину путем приобретений у разных лиц и (или) княжеских пожалований... Дьяк – доверенное лицо князя, он связан родством и свойством с семьями “настоящих” феодалов – родовитых служилых людей» [Там же. С. 177].

Во второй половине XV в. Ю.Г. Алексеев отмечает появление в среде дьячества выходцев из родословных служилых фамилий, констатирует, что «сыновья и внуки дьяков Ивана III не наследовали профессию отцов, а превращались в детей боярских» [Там же. С. 180, 203]. Автор собрал данные о вотчинах и поместьях дьяков исследуемой эпохи [Там же. С. 160, 164–165, 182, 201–202, 223–224, 228–229, 234, 248, 258, 261]. К сожалению, этот материал остался практически необобщенным. Попытки выявить какие-то тенденции в развитии дьяческого землевладения Ю.Г. Алексеев так и не предпринял. Его общий вывод о социальном происхождении дьяков второй половины XV – начала XVI в. сформулирован так: «Именно в это время начинается сращивание – личное и генеалогическое – дьячества с вотчинно-служилым сословием. Это важнейшее социально-политическое отличие дьяков Ивана III от дьяков его отца и тем более деда» [Там же. С. 275].

В 2001 г. в Волгоградском государственном университете Н.В. Рыбалко была защищена кандидатская диссертация на тему «Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия». Позднее автор переработала диссертационное исследование в монографию, вышедшую в свет в 2011 г. [3]. В структуру задач данного исследования было включено, в том числе, выявление социального происхождения дьяков и

подьячих, их родственных связей, поместного и денежного обеспечения [4. С. 12]. Анализируемый материал был разбит автором на смысловые блоки в зависимости от основных этапов и явлений Смуты: правление Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, Московского боярского правительства, движение Лжедмитрия II, Первое, Второе и объединённое ополчение. В каждом блоке отдельные параграфы посвящены вопросам социального происхождения и родственных связей дьяков и подьячих, их денежного и поместного обеспечения [4. С. 2–3]. Внутри смысловых блоков Н.В. Рыбалко делит анализируемый материал на две группы: дьяки и подьячие, служившие в столичных приказах; дьяки и подьячие, служившие по городам. В каждом случае определяется социальное происхождение дьяков, получивших чин без службы в подьячих; дьяков, пожалованных из подьячих; подьячих, не дослужившихся до дьячества.

Не все поставленные автором задачи были решены одинаково успешно. В наибольшей степени удался анализ социального происхождения дьяков и подьячих. Исследовательница частично опиралась на выводы предшественников (С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, П.В. Долгоруков, А.Ф. Кобеко, А.П. Павлов, В.И. Савва, О.И. Тюменцев), частично на собственные наблюдения над текстами источников (акты и делопроизводственные документы в основном из классических публикаций XIX – начала XX в.; Тысячная книга и Дворовая тетрадь; книга раздачи денежного жалования 1573 г.; боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в.; Список 100-го года; Список стрелецких голов и сотников; приговорная грамота земского собора 1598 г.; роспись русского войска 1604 г.; кормленая книга Галицкой чети 1604 г.; разрядные книги; дела фондов 141, 210 и 1455 РГАДА и др.). В итоге Н.В. Рыбалко пришла к выводу, что в период Смуты доля выходцев из дворянской среды в среде дьяков составляла от 28 (дьяки городов при Василии Шуйском) до 38% (в Первом ополчении), а в среде подьячих от 2 (при царе Василии) до 3% (при царе Борисе) [4. С. 186, 224, 315, 333, 361, 408–409, 414]. При этом среди дьяков, получивших свой чин минуя подьячество, процент выходцев из дворянства часто был больше, чем среди дьяков, пожалованных из подьячих [Там же. С. 186–224]. «Именно происхождение из рядов служилого дворянства позволяло получить чин дьяка без прохождения службы в подьячих», – заключает исследовательница [Там же. С. 186]. Одновременно автор выявила и другую закономерность: в московских приказах доля дьяков – выходцев из дворянства больше, чем аналогичная величина среди дьяков, служивших в городах. Отсюда, по мнению исследовательницы, следует, что выходцы из дворян пользовались преимущественным правом назначения в столичные учреждения [Там же. С. 314–315, 336]. Из числа служилых людей по отечеству на приказную работу шли в основном жильцы и выборные дети боярские [Там же. С. 186]. Из представителей других сословий среди дьяков обнаруживаются, прежде всего, выходцы из гостей [Там же. С. 224, 315, 336, 361].

С меньшим успехом автор справилась с ответом на вопрос о родственных связях дьяков и подьячих. В ряду тех немногочисленных фактов, которые приводит Н.В. Рыбалко, нет новых. Все содержащееся в диссертационном исследовании указания на брачно-семейные связи приказных деятелей были выявлены ещё С.Б. Веселовским, А.Ф. Кобеко и Н.П. Лихачевым. Выводы автора лишь повторяют заключения предшественников о выборе сыновьями дьяков преимущественно дворянской службы, о формировании дьяческих семей, где приказная служба передавалась по наследству [4. С. 177, 181, 186–187, 315, 336]. «Дьяки и подьячие... имели родственные связи со многими представителями государева двора: значительная часть дьяков московских приказов имела тесные связи с высшим служилым сословием московского дворянства, выборных дворян и детей боярских, кроме того, отмечаются родственные отношения с княжеско-боярской аристократией», – резюмирует Н.В. Рыбалко [4. С. 226].

Рассуждая о денежном и поместном обеспечении дьяков и подьячих, автор ограничился пересказом сведений о земельных владениях, поместных и денежных окладах приказных деятелей, почерпнутых из Росписи русского войска 1604 г., боярских списков, докладной выписки о вотчинах и поместьях 1613 г., Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря 1673 г., Кормленной книги Галицкой чети 1604 г., ряда опубликованных актов и делопроизводственных документов, некоторых архивных фондов (фонды 137, 210, 396 и 1455 РГАДА); из работ С.Б. Веселовского, А.П. Павлова и И.С. Шелева.

Констатировав общее неутешительное состояние источников по изучаемой проблеме, Н.В. Рыбалко ограничивается самым простым обобщением собранного материала. Ею определены максимальные и минимальные величины денежных окладов дьяков; подсчитано число дьяков и подьячих, применительно к которым ею найдены данные об их поместьях и вотчинах [4. С. 194, 364, 413]. «Практически вся дьяческая верхушка в лице представителей родов московского, выборного и городского дворянства имела в собственности вотчинные и поместные земельные владения. Однако установить их точный размер в изучаемый период не представляется возможным», – заключает исследовательница [Там же. С. 194].

На наш взгляд, Н.В. Рыбалко выбрала в данном случае неудачный методологический подход. В её работе и без того не слишком обильный материал о вотчинах и поместьях дьяков и подьячих разбит на шесть параграфов (2.3, 2.6, 3.3, 3.6, 4.3, 4.6). Деление материала по царствованиям и правительствам является логичным, но излишне дробным и делает невозможным реконструкцию общей картины землевладения дьяков и подьячих периода Смуты. Временной отрезок в полтора десятилетия (с 1598 по 1613 г.) в принципе слишком мал для того, чтобы на его протяжении уловить какие-то изменения в таком относительно статичном институте, как землевладение. Не способствовало решению задач исследования и то обстоятельство, что Н.В. Рыбалко практически ограничила свои наблюдения только теми источниками по истории землевладе-

ния дьяков и подьячих, которые были созданы непосредственно в годы Смуты. Для достижения целей, поставленных Н.В. Рыбалко, источниковая база, безусловно, нуждается в расширении. Так, допустим, использование материалов писцового делопроизводства первой трети XVII в. способно существенно прояснить вопрос, например, о размерах вотчин и поместий дьяков и подьячих периода Смуты.

К числу новейших работ по интересующей нас проблеме относится монография Д.В. Лисейцева [5]. В этом весьма основательном труде вопросу о социальном происхождении дьяков, служивших в московских приказах с 1604 по 1619 г., посвящен второй раздел седьмой главы. В своих построениях автор отталкивается от выводов С.К. Богоявленского и Н.В. Рыбалко, констатируя существенное расхождение между заключением признанного классика отечественной историографии и мнением пока ещё малоизвестной исследовательницы. Собственные изыскания Д.В. Лисейцева в этом контексте призваны разрешить этот своеобразный заочный спор. Д.В. Лисейцев частью опирался на труды предшественников (С.К. Богоявленского, С.Б. Веселовского, В.И. Корецкого, А.П. Павлова и Н.В. Рыбалко), частью – на собственный анализ источников. Источниками послужили боярские списки, разрядные книги, акты и делопроизводственные материалы, книга раздачи денежного жалования 1573 г., летописи.

Автор постарался выявить полный список дьяков периода Смуты. Таковых, по его подсчётам, оказывается 182. Из этой массы исследователь выделил, прежде всего, 74 «несомненных выходцев из дворянства», или примерно 41% от общего количества дьяков исследуемого периода. В это число включены, во-первых, те, кто числился в дворянах до пожалования в дьяки, во-вторых, те дьяки, чьи фамилии совпадают с фамилиями, заведомо принадлежащими к дворянству; в-третьих, те приказные деятели, чьи отцы известны как помещики или дьяки; в-четвертых, дьяки, состоявшие в родстве с дворянскими фамилиями; в-пятых, те, чьи близкие родственники несли дворянскую службу [5. С. 519].

Этот список из 74 фамилий, безусловно, нуждается в редактировании, ибо ряд лиц попал в него по недоразумению. Совершенно напрасно в число дворян включены дворцовые ремесленники и слуги под дворскими (лучник, т.е. мастер по изготовлению луков, Т. Горяинов; стадный конюх К. Иевлев; дворцовый подключник Ф. Лихачев; приказчик юрьевских дворцовых сёл Р. Подлесов; задворный конюх К. Иевлев). Ещё несколько случаев следует отнести к числу спорных, когда «несомненность» принадлежности дьяка к выходцам из дворянской среды не очевидна. Недостаточно констатировать, что отец дьяка был помещиком, а сам дьяк вотчинником, так как поместье, а тем более вотчина, были атрибутами не только дворянина. Нельзя безоговорочно причислять к выходцам из дворянской среды сыновей дьяков и подьячих. Мало простого совпадения фамилии дьяка с какой-либо дворянской фамилией. Вывод о принадлежности всех носителей фамилии к одному роду должен быть хотя бы минимально аргументирован.

Часть вопросов к построениям Д.В. Лисейцева возникает, на наш взгляд, во многом из-за определенной

терминологической путаницы, которую допускает автор. У него понятие «служилое сословие» фактически отождествляется с понятием «дворянство». Конечно, к началу XVII в. процесс становления сословий в России ещё не завершился, но основные их контуры вполне определились. Под «дворянством» применительно к периоду, исследуемому Д.В. Лисейцевым, следует понимать, на наш взгляд, детей боярских и те чины Государева двора, которые располагаются выше детей боярских в служилой иерархии. Понятия же «служилое сословие», «служилые люди» шире. Сюда относятся, допустим, стрельцы и казаки, сыновей которых пока никто не относит к выходцам из дворянства.

За первым списком дьяков у Д.В. Лисейцева следуют ещё 17 человек. Для определения их социального происхождения автор использует практически те же индикаторы, что и выше. Ко второму списку отнесены те дьяки, чья фамилия и отчество совпадают с фамилией и именем их предполагаемых отцов-дворян; дьяки, чьи фамилии совпадают с фамилиями других дворян; дьяки, имеющие поместья; дьяки, служившие дворянскую службу до перехода на приказную работу или после отставки. Разница между 74 и 17, по всей видимости, в том, что по поводу принадлежности последних к выходцам из дворянства у автора есть определённые сомнения. Сомнения исследователя понятны. На каком основании, например, в московском дворянине Иване Ивановиче Внукове можно полагать отца дьяка Потапа Ивановича Внукова [5. С. 521] ?

Во второй половине XVI – начале XVII в. известно около десятка лиц, прозывавшихся Иван Внуков (с разными отчествами). Среди них не только дети боярские, есть холоп, есть казачий атаман. Ясно, что одних данных антропонимии для определения социального происхождения того или иного дьяка недостаточно, нужны дополнительные аргументы. Особенно когда речь идёт о распространённых фамилиях (Микулин, Уваров). 74 и 17 в сумме составляет 91, или ровно 50% от 182. «Представляется, тем не менее, что список дьяков, происходивших из числа дворян, должен быть значительно расширен», – заключает Д.В. Лисейцев [Там же. С. 522]. К первым двум спискам автор присовокупляет третий из 32 фамилий. Критерий отбора был сформулирован исследователем так: «Известно, что привилегия писаться “тремя именами” принадлежала представителям служилого сословия; дьяки (даже вышедшие из дворянства) обыкновенно писались двумя именами, без отчеств. Данное обстоятельство позволяет с большой долей уверенности отнести к числу служилых людей дьяков, о социальном происхождении которых нет определенных сведений, но отчества которых нам известны» [Там же]. Д.В. Лисейцев опирается здесь на наблюдения С.К. Богоявленского над особенностями антропонимики дьяков. В то же время автор по какой-то причине не учёл тех серьёзных корректив, которые внесла в данную проблему Н.Ф. Демидова. Она уточнила, что именование дьяков только «двумя именами», во-первых, не распространялось на думных дьяков, а во-вторых, ограничивалось только боярскими книгами и списками.

В писцовых и переписных книгах, актах, в переписке с приказными судьями имена дьяков писались в

полной форме, а в частной переписке даже «с вичем» [6. С. 82–83]. Таким образом, очевидно, что те дьяки, какие были включены Д.В. Лисейцевым в список 32, внесены в число выходцев из дворянства на весьма ненадёжном основании. При использовании такого метода в дворянские дети может попасть, допустим, Федор Дмитриевич Сырков, чьё отчество нам известно. Сын купца, он неоднократно упоминается с «тремя именами» в делопроизводственных документах разного рода.

Всего в трех списках Д.В. Лисейцева 123 человека, или около 68% от общего числа дьяков Смутного времени. Из оставшихся 59 персонажей автор вычитает 11 выходцев из купечества и духовенства. «Остаётся ещё 48 имен дьяков, о происхождении которых мы не можем сказать ничего определённого», – констатирует исследователь [5. С. 523]. Тем не менее Д.В. Лисейцев выделяет из 48 ещё 16 дьяков, которые «по всей вероятности, должны быть отнесены к числу выходцев из верхов служилого сословия». В этот список попали Смирной Васильев и Тимофей Чириков, так как их имена значатся в Утверждённой грамоте Бориса Годунова в первом блоке «дьяков по приказам», который помещён непосредственно за московскими дворянами, тогда как имена большинства приказных дьяков стоят после списка жильцов. Василий Огарков относится к числу выходцев из дворян, так как, вероятно, он был родственником Михаила Федоровича Огаркова (из «списка 32»). Наконец, ещё 13 дьяков Д.В. Лисейцев причислил к выходцам из дворянства на основании, опять же, чисто антропонимических соображений: «Их фамилии не являются патронимическими, производными от собственных имён предков, что не является типичным для представителей социальных низов» [Там же. С. 524].

Весь «список 16» построен на никак не обоснованных гипотезах и произвольных допущениях. Из текста автора ясно следует, что все приказные деятели из первого блока «дьяков по приказам» в Утверждённой грамоте Бориса Годунова относятся Д.В. Лисейцевым к выходцам из дворянства. На каком основании? У автора нет ответа на этот вопрос (по крайней мере, прямого). В то время как сам тезис вызывает сомнения. Аникей Смирной Васильев включён в «первый блок дьяков по приказам» и отнёс Д.В. Лисейцевым к выходцам из дворянства. Однако фамилия Аникея неизвестна. «Васильев» – это отчество. Выше по тексту на той же странице исследователь отнёс не имевшего фамилии дьяка Василия Миронова к числу недворян. На основании отсутствия фамилии. Нельзя, на наш взгляд, предполагать выходца из дворянской среды в Василии Огаркове, только опираясь на его возможное родство с Михаилом Огарковым, поскольку сам Михаил признан происходящим из дворян исключительно на основании наличия у него «трёх имён». О зыбкости этого тезиса мы говорили выше. Конечно, для крестьян и посадских, холопов и белого духовенства патронимические фамилии, производные от собственных имён предков, наиболее характерны. Однако это не значит, что все, кто имел фамилии с другой этимологией, непременно дворяне. Откровенно по недоразумению в «список 16» попал Сава Романчуков, фамилия которого происходит от крестильного имени Роман [7. С. 208].

Таким образом, в четырех списках оказывается 139 дьяков, выходцев из дворян. От общего количества дьяков Смутного времени 76%. «Наконец, никаких предположений мы не можем высказать о происхождении 32 дьяков с патронимическими фамилиями. Перечисленные лица с одинаковой степенью вероятности могут быть как дворянами, так и представителями других слоёв населения», – констатирует Д.В. Лисейцев. Из этого затруднения автор выходит следующим образом: «Следует, однако, учитывать, что, согласно нашим подсчётам, несомненных выходцев из дворянской среды в рядах столичного дьячества начала XVII в. было значительно больше, чем несомненных представителей неслужилого населения (первых, без всяких натяжек и предположений, мы насчитали 74, вторых – 7 человек). Соответственно, среди людей неясного для нас происхождения соотношения дворян и недворян должно быть близким к этому: дворян было приблизительно в 10 раз больше. В таком случае мы можем предположить недворянское происхождение ещё 3 человек из перечисленных выше лиц. 29–30 дьяков из этой группы, по всей видимости, были выходцами из служилых людей» [5. С. 524]. Такой странный во всех отношениях метод определения социального происхождения дьяков, конечно, лежит за пределами науки. Не говоря уже о том, что автор преувеличивает, заявляя об отсутствии в «списке 74» натяжек и предположений. Ещё менее надёжны аргументы, почерпнутые исследователем из материалов переговоров польских и русских дипломатов, из грамоты, направленной из Новгородской четверти в Вологду весной 1614 г.

Общий вывод Д.В. Лисейцева об источниках формирования дьяков периода Смуты таков: «Приказные дьяки двух первых десятилетий XVII в. в подавляющей своей массе имели происхождение из среды дворянства и детей боярских – их количество достигало примерно 90%. Выходцы из неслужилого сословия (преимущественно из купечества) составляли в московских приказах меньшинство – их численность вряд ли превышала в начале XVII в. 10%. Это вполне соответствует подсчётам С.К. Богоявленского, по данным которого в первой трети XVII в. количество выходцев из дворянства в приказной среде колебалось от 79 до 87%» [Там же]. Как мы постарались показать выше, вывод этот автору не удалось обосновать. Анализ Д.В. Лисейцева позволяет более или менее точно признать выходцами из дворянской среды около 70 человек (большая часть «списка 74» и некоторые из «списка 17»), или не более 40% дьяков Смутного времени. То обстоятельство, что подсчёты Д.В. Лисейцева в этой части совпали с подсчётами Н.В. Рыбалко (хотя они тоже нуждаются в уточнении), свидетельствует в пользу их относительной точности. Ещё 50% добавлены Д.В. Лисейцевым за счёт откровенного, на наш взгляд, насилия над исследуемым материалом. К такому результату привело исследование автора, по всей видимости, стремление неуклонно следовать историографической традиции, сверяя свои выводы с выводами авторов классических работ по избранной проблеме.

Анализируя далее дворянскую составляющую приказной бюрократии периода Смуты, Д.В. Лисейцев заключает, что в дьяки шли преимущественно

представители провинциальных детей боярских. Московское дворянство поступало в дьяки сравнительно редко. В географическом отношении дьяки – выходцы из дворянства представляют служилые корпорации практически всех регионов европейской части России. Сыновья дьяков и подьячих обычно не следовали по стопам отцов, а избирали дворянскую службу [5. С. 525–526].

Рассуждая о социальном происхождении дьяков исследуемого периода, Д.В. Лисейцев коснулся и проблемы источников формирования подьячих. Автор polemизирует с Н.В. Рыбалко, утверждавшей, что в среде подьячих доля выходцев из дворянской среды едва достигала 3%, а дворянское происхождение позволяло получить чин дьяка, минуя службу в подьячих. Д.В. Лисейцев сделал важный вывод, которого у Н.В. Рыбалко нет, но который логически вытекает из материалов её диссертационного исследования: «Если признать справедливой точку зрения Н.В. Рыбалко относительно малого количества выходцев из служилого сословия в среде подьячих, придётся сделать вывод о том, что между дьяками и подьячими существовала почти непреодолимая пропасть. Получится, что дьяки и подьячие рекрутировались из разных социальных слоёв (первые – из служилого сословия, вторые – из неслужилого)» [5. С. 527].

Весьма, на наш взгляд, спорный тезис о дворянском происхождении, которое позволяло получить чин дьяка, минуя службу в подьячих, Д.В. Лисейцев отвечает, что дьяки – выходцы из дворян служили и в подьячих, а представители «третьего сословия» жаловались прямо в дьяки. Вывод о более «демократическом» социальном происхождении подьячих по сравнению с дьяками Д.В. Лисейцеву опровергнуть не удалось. Автор прибег к чисто логическому аргументу. Если все дьяки до пожалования в чин служили в подьячих, а дьячество практически полностью (на 90%) рекрутировалось из дворян, то, следовательно, и социальное происхождение подьячих аналогично социальному происхождению дьяков [Там же. С. 527–532]. На наш взгляд, этому явлению возможно и другое объяснение. Если только десятая (по предположению Д.В. Лисейцева) часть подьячих достигала дьяческого чина, то в условиях такой своеобразной «конкуренции» социальное происхождение вполне могло быть важным и даже решающим преимуществом. Ясно, что логическими методами проблеме источников комплектования подьячих периода Смуты не решить. Тут нужно отдельное просопографическое исследование, подобное работам Н.Ф. Демидовой и Н.В. Рыбалко. Д.В. Лисейцев рассмотрел также вопрос о материальном положении дьяков начала XVII в. Автор привел данные о количестве дьяков-землевладельцев (88 человек, или 48% от их общего числа) и о географии их земельных владений. К сожалению, не указаны источники, из которых исследователь почерпнул эту важную информацию. Размеры дьяческих имений Д.В. Лисейцев определяет, ориентируясь на данные о поместных окладах приказных деятелей (оговаривая относительность этого показателя) и сведения росписи русского войска 1604 г. [Там же. С. 538–541].

Особо следует отметить работу О.А. Шватченко «Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века» (М., 1996). На основании данных переписных книг автор проанализировал состояние вотчинного землевладения разных чинов служилых людей, в том числе думных, приказных и патриарших дьяков и подьячих (без учета деления на столичных и уездных). О.А. Шватченко учёл общее количество вотчин, находившихся во владении того или иного разряда приказных людей, число в них дворов и душ мужского пола [8. С. 49]. Эти величины сравниваются с суммарными данными по всему вотчинному землевладению в целом. В качестве хронологических вех избраны даты валовых переписей: 1646 и 1678 гг.

О.А. Шватченко объединяет думных дьяков с боярами, окольничими и думными дворянами в одну группу «думные чины» и в части выводов рассуждает о тенденциях развития вотчинного землевладения всей группы в целом. Читатель при таком подходе, естественно, лишён возможности проследить динамику эволюции землевладения собственно думных дьяков. Впрочем, автор и не ставит перед собой такой задачи. Выделение группы думных чинов вполне логично. Остаётся неясным признак, на основании которого объединены вместе дьяки, подьячие, дворцовые служители и царицына двора дети боярские. О.А. Шватченко делает вывод: «Вотчинное землевладение приказной бюрократии, дворцовых служителей и царицына двора детей боярских было весьма незначительным» [8. С. 50]. Сравнивая данные 1646 и 1627 гг., автор отметил сокращение количества вотчин приказных дьяков и подьячих [Там же. С. 58]. К 1678 г. число вотчин дьяков увеличилось, подьячих осталось практически без изменений [Там же. С. 64, 65]. О.А. Шватченко проанализировал географию вотчинного землевладения дьяков и подьячих. Согласно выводам автора, вотчины думных и приказных дьяков концентрировались в основном в Московском уезде. Применительно к подьячим эта тенденция тоже есть, но она менее выражена [8. С. 52, 58–59, 76–77].

Оценивая труд О.А. Шватченко в целом, следует отметить, что выводы автора о тенденциях развития вотчинного землевладения дьяков и подьячих несколько односторонни. Мало что даёт в исследовательском плане простая констатация увеличения или уменьшения абсолютного числа вотчин различных приказных чинов. Очевидны, на наш взгляд, и не требуют доказательства обсчёта большого массива переписных книг такие истины, как незначительность доли вотчин дьяков и подьячих в общей массе вотчинного землевладения служилых людей всех чинов. В методологическом

отношении более продуктивен подход Н.Ф. Демидовой.

Подводя итог анализу историографии проблемы, следует отметить, прежде всего, то, что, несмотря на наличие целого ряда основательных исследований, вопрос о социальном происхождении дьяков XIV–XVII вв. окончательно на сегодняшний день не решен. Социальное происхождение служилой бюрократии должно стать предметом специального исследования. Многие проблемы в историографии проблемы обусловлены, на наш взгляд, тем, что вопрос об источниках формирования корпуса дьяков и подьячих зачастую решался как бы попутно, будучи отодвигаем на периферию исследования, заслоняем другими задачами, на которые авторы тратили основную массу времени и сил. Проблема кадрового состава приказной бюрократии требует комплексного подхода. Необходимо проанализировать социальное происхождение, брачно-семейные связи, материальное положение и дьяков и подьячих. Пожалуй, все исследователи констатируют тесную взаимосвязь дьяков и подьячих, но в трудах своих основное внимание часто уделяют только дьякам.

Данные о социальном происхождении дьяков и подьячих и об их землевладении следует, по нашему мнению, анализировать с использованием количественных методов. Среди исследователей на этот счёт высказываются разные мнения. Одни авторы принципиально скептически относятся к любым подсчётам, кроме, пожалуй, тех, что используются в аграрной и, вообще, экономической истории. Так, например, В.А. Кучкин в рецензии на статью автора этих строк в качестве недостатка отметил то обстоятельство, что «автор работы весьма склонен к различным арифметическим выкладкам» (электронная копия машинописной рецензии из нашего архива любезно предоставлена П.С. Стефановичем). Другие же, напротив, считают подсчёты плодотворными. В качестве примера можно привести исследования Н.В. Рыбалко и Д.В. Лисейцева.

К вопросу о социальной среде, породившей дьяков и подьячих, необходимо подходить диалектически. Многие разногласия между исследователями возникают, на наш взгляд, из-за того, что социальное происхождение представителей служилой бюрократии рассматривается как некое статическое явление. Между тем полтора-два и даже одно столетие достаточно длительный срок для социальной эволюции. Сеем надеяться, что, несмотря на все методологические трудности, проблема социального происхождения дьяков и подьячих будет успешно решена современной исторической наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гралья И.* Иван Михайлов Висковатый. М. : Радоники, 1994. 528 с.
2. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1998. 352 с.
3. *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М. : Квадрига; МБА, 2011. 656 с.
4. *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
5. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. ; Тула : Гриф и К, 2009. 792 с.
6. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 228 с.
7. *Унбеаун Б.-О.* Русские фамилии. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. 448 с.
8. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М. : Институт Российской истории РАН, 1996. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2013 г.